

А. А. Прокопеня
Научный руководитель – **М. В. Ладутько**,
канд. филол. наук, доцент

КОНЦЕПТ «ЖЕНЩИНА» В РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аннотация. В статье рассматривается один из значимых концептов современной русской языковой картины мира – «Женщина» – и выделяются некоторые признаки данного концепта.

Ключевые слова: концепт, фразеологизм, женщина, языковая картина мира.

В. Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурологическая общность идентифицирует свое национальное самосознание» [1, с. 82]. Именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации.

Концепт «Женщина» репрезентирован в русском языке огромным количеством номинативных единиц, что говорит о важности данного концепта для русской картины мира. Нельзя не отметить, что фразеологизмы в большей степени обладают способностью репрезентировать культурологические представления, так как это фрагменты языковой картины мира, которые обладают «следами» национальной культуры и являются носителями культурно-национальной информации.

Представление дамской наружности в русской фразеологии заключает в себе условно-символический характер, что говорит о лишении его детализации: *коса* – символ девичества, *белое лицо* – символ чистоты, *кровь с молоком* – символ здоровья, *красна девица* – символ красоты молодости (*Коса – девичья краса; Моя реденька личиком беленька; Красная краса – русоволосая коса; Всего милее у кого жена белее*). Фразеологизм *кровь с молоком* – это комплимент, который подчеркивает красоту человека. На Руси издавна признаком красоты считались белое лицо и румянец на щеках, что было свидетельством хорошего здоровья. Кровь как символ жизненных сил человека, ведь именно в крови пребывает энергия, делающая возможной телесную жизнь. [2, с. 46]. С молоком связывается представление о достатке и благополучии. Чаше оно применимо, конечно, к женскому образу: «*Маруся-то у тебя кровь с молоком! Лицом бела, розовощека – чем не невеста?*». Если искать интернациональный образ, то подразумевается само собой словосочетание «рубенсовская женщина». Пожалуй, это самый понятный и известный тип женщины, которая откровенно здорова и желанна.

Внешняя красота может быть связана с красотой внутренней, духовной (*прекрасный пол, краса ненаглядная* и т. д.), умением красиво, со вку-

сом одеваться (*жар-птица*). Перечисленные фразеологизмы содержат сему положительной оценки, коннотативные семы 'восхищение', 'одобрение'.

Фразеологические единицы (далее – ФЕ), характеризующие внешний облик женщины и имеющие отрицательную оценку (*ободранная (драная) кошка, синий чулок, мужик в юбке*), объективируют укладывающиеся в понятийный элемент концепта признаки 'чрезмерная худоба', 'изможденность', 'неряшливость', 'отсутствие красоты', 'отсутствие обаяния', 'отсутствие женственности'; передают представление об «антиидеале» русской женщины. Если разобраться в значении фразеологизма *драная кошка*, то можно отметить, что образ фразеологизма сопоставляется с зооморфным кодом культуры, т. е. с совокупностью взглядов на животный мир, представители которого выполняют функции эталонов или символов. В основе внутренней формы фразеологизма лежит зооморфное сравнение, в котором человек (женщина) уподобляется кошке как животному, отличающемуся постоянной повышенной сексуальной активностью.

Кроме сравнений женщин с животными, в русских фразеологизмах в качестве образного сравнения-характеристики также используются элементы одежды: *мужик в юбке*. В классической системе ценностей современного общества «брюки» и «юбка» – не только элементы одежды, но и своеобразный символ полов. Использование названий основных отличительных «гендерных элементов» – юбка/брюки – выражает мнение, отношение к тем женщинам, которые «подобны мужикам» и могут на их манер носить брюки.

Положительно или негативно оценивается привлекательная внешность с позиции ее значимости для мужчины (андроцентричный взгляд). При всем этом сберегается положительность образа женщин, который вызывает у мужчин чувство любви, отрицательная оценка сопутствует образу женщин, который ассоциируется с аморальностью. Например, фразеологизмы с отрицательной оценочностью – *ходить по рукам* (о женщине-проститутке); *женщина легкого поведения* (т. е. женщина, вступающая в случайные кратковременные связи с мужчинами).

Во фразеологических единицах русского языка фактически нет положительной оценки женской сексуальности, так как к ней классически отрицательное отношение. Критика женщин как созданий, неспособных координировать свое поведение, достаточно явно прослеживается во фразеологизме *трепать юбки* (устаревшее) 'вести безнравственный образ жизни'.

Во фразеологических единицах существует много различных слов с общим значением 'молодая женщина', например, *девушка, дева, девка, девица* и др. Сегодня слова *дева, девка, девица* уже воспринимаются как устаревшие, а слово *девка* в зависимости от контекста и ситуации может приобретать и негативные экспрессивные значения и коннотации. Однако выражение *в девках или в девицах засидеться* употреблялось по отношению к девушке, которая до определенного возраста не вышла замуж.

Раньше русские девушки начинали искать свою вторую половину с 16 лет. Считалось, что девушка, которой исполнилось 20 лет, уже переступила границу брачного возраста. Однако чёткой возрастной границы не было: «уж как прошло выше 22-х, так уж *старая дева*» (донск.), «*пожилая девка* – это 20 лет и выше, а прожила 30 лет – это старая дева». Отсюда можно заключить, что для незамужней женщины, которой исполнилось 25 лет, раньше уже не было никаких надежд выйти замуж, поэтому её считали старой девой. Это находит отражение во фразеологии, в том числе и диалектной, где, помимо фразеологических единиц *старая дева, в девках* или *в девицах засидеться*, представлены, например, и такие: *пожилая дева* (сибир.), *старая девка (девица)* (перм., донск.), *барышня Петра Первого, вековая девка* (донск.), *непётый волос / непётые волосы, домовая девка (девица), перелётная невеста, невеста без места* (яросл.), *белая косоплётка* (пск.), *домашняя сестра* (вят.) и др.

Фразеологизмы, объективирующие концептуальный аспект «социальный статус», могут указывать как на высокий, так и на низкий статус своих референтов, поскольку социальный статус зависит от принятых в обществе или конкретной социальной группе ценностей. Признак «принадлежность к высшему социальному слою» представлен в значениях фразеологизмов *первая леди* (государства), *светская львица, ее величество, ее высочество, ее сиятельство*, указывающих на высокий социальный статус. Среди признаков, входящих в концептуальный аспект «интеллектуальные способности» наибольшей номинативной плотностью характеризуется признак «глупость» (ФЕ *валамова ослица, дура неотесанная, дура стоеросовая* и т. д.). Признаки «образованность», «поглощенность книжными интересами», «отсутствие женственности» объективированы ФЕ *синий чулок*. Этот фразеологизм иллюстрирует доминирующее в русском обществе мнение о том, что женщине не следует афишировать свою образованность. Если женщина занимается наукой, значит, она не состоялась в традиционно женских ролях жены, матери.

Таким образом, анализ фразеологических единиц через соотнесенность ассоциативно-образного основания с символами, эталонами, стереотипами национальной культуры свидетельствует о том, что образ женщины в русской языковой картине мира представлен в разных аспектах – характеристики ее внешнего облика, интеллектуальных качеств, социального положения и особенностей поведения.

Список использованных источников

1. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 2-е изд., стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с.
2. Адонина, Л. В. Концепт «женщина» в русском языковом и когнитивном сознании / Л. В. Адонина. – Севастополь : Рибэст, 2007. – 168 с.

3. Шаховский, В. И. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / В. И. Шаховский ; отв. ред. В. Н. Телия. – М., 2006 // Филол. науки. – 2007. – № 1. – С. 113–115.

Abstract. The article examines one of the significant concepts of the modern Russian language picture of the world – «The woman» – and highlights some features of this concept.

Keywords: concept, phraseology, woman, language picture of the world.

УДК 811.161.1'42'271:821.161.1-31*Л. Н. Толстой:821.161.1-31*С. А. Толстая

А. Е. Рожкова

Научный руководитель – **Т. Е. Никольская**,
канд. филол. наук, доцент

**РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПЕРЕКЛИКАЮЩИХСЯ
ЭПИЗОДАХ ПОВЕСТЕЙ Л. Н. ТОЛСТОГО
«КРЕЙЦЕРОВА СОНАТА»
И С. А. ТОЛСТОЙ «ЧЬЯ ВИНА?»:
ГЕНДЕРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В статье через призму гендерно-лингвистического подхода анализируются перекликающиеся эпизоды повестей Л. Н. Толстого «Крейцера соната» и С. А. Толстой «Чья вина?». При сравнении рассматриваются: невербальное поведение, типы языковых личностей, речевое поведение героев. Прослеживаются характерные описательные детали, отражающие гендерные стереотипы авторов и разницу восприятия ими конкретной ситуации.

Ключевые слова: С. А. Толстая, Л. Н. Толстой, гендерная лингвистика, речевое поведение.

С. А. Толстая задумывала свою повесть «Чья вина?» (1892–1893, перв. публ. 1994) как женский ответ на «Крейцерову сонату» (1890) Л. Н. Толстого. Мы рассматриваем перекликающиеся в обеих повестях сцены ревности, последовательно анализируя невербальное поведение, речевое поведение и типы языковых личностей героев.

Концепция подобного сравнения заключается в том, что особенно сти речевого поведения героев и характерные описательные детали отражают гендерные стереотипы авторов. То есть при анализе речевого поведения персонажей с точки зрения гендерно-лингвистического подхода можно проследить разницу восприятия конкретной ситуации Л. Н. Толстым и С. А. Толстой.

Присмотримся к текстам.

Невербальное поведение Позднышева позволяет предположить, что он осознанно проявляет пассивную агрессию по отношению к жене. Как